

УНИВЕРСУМ НАУКИ.
АРХИТЕКТОНИЧЕСКИЕ ИДЕИ НАУКИ,
ОТРАСЛЕЙ И ЧАСТЕЙ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
В ФИЛОСОФИИ КАНТА

М.Р. Левин¹

Мой тезис заключается в следующем: Кант создал всеохватывающее систематическое описание способности чистого разума к построению систем (архитектонической способности чистого разума), которое можно успешно применять и развивать в современных условиях. Разум (в узком смысле) отвечает за формирование картины упорядоченной научной системы, включающей в себя архитектурные идеи науки, саму науку и отрасли научного знания. В первом разделе статьи посредством определения и установления взаимосвязи между такими понятиями, как (а) способность разума, (б) идеи (как принципы), (в) метод и (г) науки разума, я раскрываю то, что Кант подразумевает под архитектурными идеями. Далее во втором разделе я анализирую кантовское понимание целостного научного знания, а также научного прогресса и предлагаю провести дифференциацию четырех уровней применения архитектурных идей, опираясь при этом на образ гармонично устроенной вселенной, который дает нам Кант в своем трактате «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755). Я также утверждаю, что каждую возможную идею разума можно (помимо ее основной функции) рассматривать и в качестве архитектурной концепции четвертого уровня, в случае если она явно представляется нам как объект исследований (например, философских), то есть в методологической перспективе. В последнем (III) разделе я раскрываю потенциал теории Канта, указывая на то, как эта системообразующая методологическая функция чистого разума применяется в настоящее время в программе философских исследований Карла-Отто Апеля.

Ключевые слова: разум, идеи, науки, системность, использование разума в современной философии.

Введение

В то время как кантовская философия науки, содержание главы «Архитектоника чистого разума» «Критики чистого разума» (1781) и теория регулятивных идей оказались в центре многих послед-

¹ Университет Вупперталя.
42119, Германия, Вупперталь, Гауссштрассе, д. 20.
Поступила в редакцию: 14.01.2020 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-2-2
© Левин М.Р., 2020.

THE UNIVERSE OF SCIENCE.
THE ARCHITECTONIC IDEAS OF SCIENCE,
SCIENCES AND THEIR PARTS IN KANT

M. Lewin¹

I argue that Kant has developed a broad systematic account of the architectonic functionality of pure reason that can be used and advanced in contemporary contexts. Reason, in the narrow sense, is responsible for the picture of a well-ordered universe of science consisting of architectonic ideas of science, sciences and parts of sciences. In the first section (I), I show what Kant means by the architectonic ideas by explaining and interrelating the concepts of (a) the faculty of reason, (b) ideas (as principles), (c) method, and (d) sciences of reason. Thereafter (II), I think through his holistic understanding of science and scientific progress and suggest differentiating between four levels of use of architectonic ideas, drawing on the metaphor of a well-structured universe as imagined by Kant in his work on the *Universal Natural History and Theory of the Heavens*. I also claim that each possible idea of reason can be (apart from its primary function) additionally regarded as a fourth-level architectonic concept when explicitly conceived as an object of (e.g. philosophical) studies, i.e. from a mere methodological perspective. In the final section (III), I unveil the potential of Kant's theory by pointing out how this architectonic methodological function of pure reason is tacitly used in Karl-Otto Apel's contemporary philosophical research programme.

Keywords: reason, ideas, sciences, systematicity, use of reason in contemporary philosophy.

Introduction

While the Kantian philosophy of science, the “Architectonic” chapter of the *Critique of Pure Reason* and his theory of regulative ideas have become

¹ University of Wuppertal.
20 Gaußstraße, Wuppertal, 42119, Germany.
Received: 14.01.2020.
doi: 10.5922/0207-6918-2020-2-2
© Lewin M., 2020.

них исследований², посвященных философии Канта, теме самих «архитектонических идей» не было уделено достаточного внимания. Справедливости ради надо заметить, что многие авторы обращаются к кантовскому понятию идей наук, но при этом касаются скорее смежных тем, не занимаясь углубленным исследованием и объяснением конкретной функциональности чистого разума в отношении подобных идей³. Поднимаемые современными исследователями вопросы включают в себя следующую проблематику: систематичность и взаимосвязь наук (McRae, 1957), связь между отраслями науки и (практическими) целями разума (Sturm, 2020; Gava, 2014), исторические корни системы понятий кантовской философии (см.: Switzer, 2014; Sturm, 2009, p. 131–146) и т.д. Я же хочу пойти иным путем и сосредоточиться именно на архитектурной *действенности, способности и процедуре действия* разума (в узком смысле)⁴. Я утверждаю, что Кант разработал учение о методологической функциональности чистого разума в отношении научной практики систематического планирования, развития, получения и упорядочения знаний под руководством архитектурных идей, которое шире и богаче по содержанию, чем это часто представлено в современном кантоведении. Более того, я стремлюсь показать, что предмет моих исследований — не просто, так сказать, «экспонат» в «музее истории философии», а важный теоретический материал, который можно применять и развивать в современных условиях.

² Существует достаточно много свежих публикаций по различным аспектам кантовской философии науки. Перечислить их полностью в рамках моей статьи не представляется возможным. Для изучения общего характера философии науки Канта см., например: (Sturm, 2009; Kant and the Sciences, 2001; Friedman, 1992; Kitcher, 1983). Последние публикации по теме архитектуры Канта: (Gava, 2014; Switzer, 2014; Manchester, 2008), по концепции регулятивных идей Канта и их функций, связанных с наукой, см.: (Meer, 2019), по теме трансцендентальных идей в целом: (Willaschek, 2018; Bunte, 2016; Pissis, 2012; Klimmek, 2005).

³ Идеи наук не следует путать с трансцендентальными идеями, число которых ограничено, а функция (как регулятивных идей) совершенно иная. Их также не следует рассматривать и в качестве подвидов «регулятивных идей» в целом. Для полного и табличного обзора (семи) видов идей в философии Канта и соответствующих различных функций разума (в узком смысле) см. работу (Lewin, 2021, в печати). Некоторые из текущих результатов моих исследований были опубликованы в работах (Lewin, 2018; Левин, 2020).

⁴ Здесь я следую кантовскому различию между разумом (в узком смысле), который связан исключительно с идеями и принципами высшего порядка, и разумом в более широком смысле, как неким целым, образованным из рациональных способностей, включая рассудок и разум (в узком смысле). Говоря просто о «разуме» в некоторых местах этой статьи, я имею в виду первое значение.

the focus of recent research,² the topic of “architectonic ideas” has not received enough attention and has been addressed only in passing. Although, admittedly, not a few authors mention the Kantian notion of *ideas of sciences*, they are rather concerned with adjacent topics than with an in-depth exploration and explanation of the concrete functionality of pure reason regarding this kind of ideas.³ The topics include the systematicity and the interrelation of the sciences (cf. McRae, 1957), the relation between the sciences and the (practical) ends of reason (cf. Sturm, 2020; Gava, 2014), the historical roots of the Kantian conceptual framework (cf. Switzer, 2014; Sturm, 2009, pp. 131-146) etc. I want to choose a different path and focus on the architectural *functionality, capability and procedure* of reason (in the narrow sense) *per se*.⁴ I argue that Kant has developed an account of the methodological functionality of *pure reason* regarding the scientific practice of systematic planning, developing, acquiring and ordering of knowledge under the guidance of *architectonic ideas*, which is broader and richer in content than often presented in Kant research. Moreover, I aim to show that it is not — so to speak — a mere “exhibit” in the “museum of the history of philosophy”, but an important and plausible theoretical endeavour that can be applied and advanced in contemporary contexts. I will proceed as follows: First (I), I will explain the basic

² There are too many recent publications on different aspects of the Kantian philosophy of science to list them all here. For analyses which include general inquiries into the nature of the Kantian philosophy of science see e.g. Sturm (2009), Watkins (2001), Friedman (1992) and Kitcher (1983). For recent publications on Kant’s *Architectonics* see Gava (2014), Switzer (2014) and Manchester (2008). For Kant’s concept of regulative ideas and their science-related functions see Meer (2019), for transcendental ideas in general Willaschek (2018), Bunte (2016), Pissis (2012) and Klimmek (2005).

³ The ideas of sciences are not to be confused with the transcendental ideas, whose number is limited and whose function (as regulative ideas) is completely different. They are also not merely a subtopic to “regulative ideas” in general. For a complete and tabular overview over the (seven) kinds of ideas in Kant and the corresponding different functions of reason in the narrow sense see Lewin (in press). Some of the ongoing results of my studies were also published in Lewin (2020) and some of the initial deliberations in Lewin (2018).

⁴ I herewith follow the Kantian distinction between the reason in the narrow sense (which is exclusively concerned with ideas and principles of higher order) and the reason in the wider sense (as the whole of the rational faculties including the understanding and the reason in the narrow sense). By speaking simply of “reason” in some passages of this paper, I will mean the reason in the first sense.

Я буду действовать следующим образом: в разделе I я объясню основные понятия, с которыми буду работать: (а) способность разума, (б) идеи (как принципы), (в) метод и (г) науки разума. После этого в разделе II я выделю четыре уровня применения архитектурных идей, опираясь при этом на образ гармонично устроенной вселенной, который дает нам Кант в трактате «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755). В последнем разделе (III) я покажу на примере трансцендентального прагматизма Карла-Отто Апеля, как методологическая функция чистого разума (которая заслуживает своего собственного должного объяснения) успешно применяется в современной философии.

I

В главе «Архитектоника чистого разума» «Критики чистого разума» (1781), а также в «Лекциях по логике» (1800) Кант утверждает следующее: «Во всех науках, особенно же в рациональных, идея науки есть общий план или очерк, следовательно — объем всех относящихся к науке знаний. Такая идея целого — первое, что нужно видеть и искать в науке, — является архитектурной, как, например, идея науки о праве» (AA 09, S. 93; Кант, 1994б, с. 348). Поэтому независимо от того, имеем мы дело с систематическим знанием, содержащимся в естественных науках, юриспруденции или философии, мы должны признать, что «в каждой системе должна быть идея, выступающая как целое и определяющая план и цель. Сама же эта идея представляет собой систематическое единство» (AA 24, S. 530). В этих и подобных им высказываниях, посвященных «искусству построения системы» (A 832 / B 860; Кант, 2006а, с. 1043), Кант описывает определенную методологию и понимание того, как ученые производят и получают систематические знания, используя свои способности разума (в узком смысле). При этом надо понимать, что для Канта само понятие «идея» предназначено исключительно для обозначения самого высшего и самого чистого из возможных образов мысли. Так, в его метафизике мыслительных способностей разум (в узком смысле), по-другому именуемый «способностью давать принципы», отвечает за создание и реализацию такого рода представлений, направляющих нашу волю и наш рассудок. Благодаря этой их функции идеи можно рассматривать в следующих значениях: как предпосылки, задачи, цели, проблемы или в целом принципы высшего порядка, которыми разум

concepts I will be working with: (a) *the faculty of reason*, (b) *ideas (as principles)*, (c) *method*, and (d) *sciences of reason*. After that (II), I will distinguish four levels in the use of architectonic ideas, using the metaphor of a well-structured universe as imagined by Kant in his work on the *Universal Natural History and Theory of the Heavens*. In the final section (III), I will show through the example of Karl-Otto Apel's transcendental pragmatism how the methodological function of pure reason, which deserves its own proper account, is tacitly used in contemporary philosophy.

I

Kant states in the “Architectonic” chapter of his first *Critique* and in his lectures on logic, that “[i]n all sciences, above all in those of reason, the idea of the science is its universal *abstract* or *outline*, hence the extension of all the cognitions that belong to it. Such an idea of the whole — the first thing one has to look to in a science, and which one has to seek — is *architectonic*, as, e.g., the idea of jurisprudence” (*Log*, AA 09, p. 93; Kant, 1992, p. 591). Whether we are dealing with systematic knowledge of natural sciences, jurisprudence or philosophy, we have to recognize and presuppose that in “every system there must be an idea as the whole which determines the arrangement and the purpose, and this idea represents the systematic unity”⁵ (*V-Lo/Pöhlitz*, AA 24, p. 530; transl. M.L.). Kant develops in these and similar passages on “the art of systems” (*KrV*, A 832 / B 860; Kant, 1998, p. 691) a certain methodology and understanding of how scholars produce and acquire systematic knowledge using their faculty of reason in the narrow sense. For Kant, the term “idea” is strictly reserved for designating the highest and purest kind of mental representations. In his metaphysics of mental powers, reason in the narrow sense, alternatively called “the faculty of principles”, is responsible for creating and implementing this kind of representations to guide our will and our understanding. Due to this function, they can be regarded as presuppositions, tasks, pur-

⁵ “In jedem System muß eine Idee als das Ganze seyn, die die Einteilung und den Zweck bestimmt, und diese Idee macht die systematische Einheit aus.”

неизбежно обременяет нас в нескольких различных областях действия и знания. Однако само понятие «принцип» в философии Канта носит неопределенный характер. Например, оно может означать, согласно семантике немецкого слова *Grundsatz*, определенное обязательное правило, основанное на познавательной способности и выраженное в форме *умозаключения*. В таком значении его можно отождествить с принципом рассудка. Однако в случаях, когда оно используется взаимозаменяемо с «идеей» (A 569, 619, 672 / B 597, 647, 700; Кант, 2006а, с. 727, 795, 857), оно указывает (на основе смыслового содержания лат. *principium* ‘начало’) определенную отправную точку, воображаемую (*vorgestellt*) или сформированную разумом (в узком смысле). В таких случаях принцип является неким шагом вперед, ожиданием результата, к которому должны привести все усилия рассудка в сочетании с различными этапами познания. Этот скачок образует разрыв между фактическим (обусловленным) и воображаемым (условием), в результате чего разум придает последнему форму абсолютности и главенства над первым и руководит рассудком и волей действовать в соответствии с принципом, чтобы преодолеть этот разрыв. Для этой цели разум формулирует максимы, через которые он расширяет представления, такие как, например, «бесконечность вселенной», до такого рода задач, как *продолжай процесс исследования и понимания вселенной, как если бы она являлась бесконечной* (см.: A 672 / B 700; Кант, 2006а, с. 857; A 685 / B 713; Кант, 2006, с. 873).

Общее определение идеи (или принципа), которое Кант приводит в начале «Трансцендентальной диалектики», основывается на понятии разума, «для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» (A 327 / B 383; Кант, 2006а, с. 493). Тут, правда, надо учитывать, что само по себе это понятие идеи входит в разряд терминологии, относящейся к теоретико-философским построениям кантовской философии (связанным с объяснением противопоставления «концепции разума» (A) «объекту, данному в чувствах» (B)), и не является всеобъемлющим определением. Кроме того, Кант позднее несколько изменил формулировку этого определения после изучения других функций «способности давать принципы» в различных областях человеческой деятельности, особенно в отношении исключительного статуса эстетических идей. В качестве примера более общего варианта определения понятия «идея» следует обратиться к кантовской работе «О педагогике» (1803), в которой можно найти

poses, problems, or in general: principles of higher order that reason inevitably imposes on us in several different fields of acting and knowing. The term “principle” is ambiguous in Kant. It may mean – according to the German word “Grundsatz” – a certain binding rule based on a cognition and in form of a *sentence*. The principles of understanding are examples of this. In cases, however, when it is used interchangeably with “idea” (cf. *KrV*, A 569 / B 597, A 619 / B 647, A 672 / B 700; Kant, 1998, pp. 552, 577, 606 etc.), it indicates – based on the Latin “*principium*” (beginning) – a certain starting point imagined (*vorgestellt*) or projected by reason in the narrow sense. In such cases, a principle is a leap ahead, an anticipation of a result that all efforts of understanding in combining different elements of cognitions should lead to. This leap produces a gap between the actual (conditioned) and the imagined (condition), whereby reason gives the latter the form of absoluteness and priority over the former, and commands the understanding and the will to act according to the principle and to bridge this gap. For this purpose, reason formulates maxims; it expands representations such as the infinity of the universe to sentences, such as continue the process of discovery and understanding of the universe as if it were infinite (cf. *KrV*, A 672 / B 700; Kant, 1998, p. 606; A 685 / B 713; Kant, 1998, p. 613).

The general definition of idea (or principle) that Kant gives us at the beginning of the “*Transcendental Dialectic*”, is of a concept of reason “to which no congruent object can be given in senses” (*KrV*, A 327 / B 383; Kant, 1998, p. 402). It is, however, bound to the terminology of his theoretical philosophy (to the opposition “concept of reason” (A) vs. “object given in senses” (B)) and is not an all-encompassing definition. Kant will slightly change it after examining several other functions of the faculty of principles in different fields of human acting, especially with respect to the exceptional status of aesthetical ideas. An example for a more general version can be found in his *Lectures on Pedagogy*: “An idea is nothing more than a concept of perfection which is not yet to be found in experience”⁶

⁶ “Eine Idee ist nichts anderes, als der Begriff von einer Vollkommenheit, die sich in der Erfahrung noch nicht vorfindet.”

следующее высказывание: «Идея есть не что иное, как понятие о совершенстве, еще не осуществленном на опыте» (AA 09, S. 444; Кант, 1994в, с. 402). Основная мысль, выраженная в этом определении, состоит в том, что существует предположение о чем-то настолько совершенном (чистом и завершенном, =A), что конкретное и реально существующее что-то (=B) не соответствует выдвинутым к нему идеальным требованиям. Например, как утверждает Кант в своей третьей «Критике», такая эстетическая идея, как прекрасное, на самом деле исходит не из нашего разума, а из нашей способности к воображению (фантазированию — *Einbildungskraft*). Однако это определение все же подпадает под общее понятие идеи, потому что представление о прекрасном настолько неуловимо, что наш рассудок не может его полностью охватить и описать (см.: AA 05, S. 313–317, 342–344; Кант, 2001, с. 425–435, 493–497). Аналогично этому, когда Кант говорит об идеях наук в главе об архитектонике чистого разума в своей первой «Критике», он проводит различие между (A) чистым понятием науки и (B) *схемой*, содержащей в себе план и элементы научного знания. Их взаимосвязь, которая также может быть описана в терминах совершенного образца и неудачной копии (A 838 / B 866; Кант, 2006а, с. 1049–1050), лежит в основе всех наук о разуме: «Никто не пытается создать науку, не полагая в ее основу идею. Однако при разработке науки схема и даже даваемая вначале дефиниция науки весьма редко соответствуют идее схемы, так как она заложена в разуме подобно зародышу, все части которого еще не развиты и едва ли доступны даже микроскопическому наблюдению» (A 834 / B 862; Кант, 2006а, с. 1045). Следовательно, чистая концепция науки — это (A) неопределенная и неуловимая идея, которая может быть дана нам только частично *in concreto*; кроме того, она есть (B) нечто, данное нам в описании и в систематической схеме науки, при этом никогда полностью не соответствуя ее исходному представлению или образцу.

Я предлагаю обозначить эти научно-практические идеи как *архитектонические* (см.: AA 09, S. 93; Кант, 1994б, с. 397; A 833 / B 861; Кант, 2006а, с. 1045) или *методологические*. Это позволит четко отличить их от трансцендентальных, теоретических, практических, эстетических, религиозных, политических и тому подобных принципов разума. Область их применения — формирование систематических единств знаний, особенно, как утверждает Кант, в науках о разуме. Глава «Архитектоника чистого разума» в «Критике чистого разума», а также

(*Päd*, AA 09, p. 444; transl. M.L.). The basic determination expressed in this definition is that there is an assumption of something so perfect (demanding, pure, and complete) (=A), that a particular something (=B) does not meet the posited demands. For example, an aesthetical idea like the beautiful does not really originate from our reason, but from our faculty of imagination (*Einbildungskraft*), as Kant states in the third *Critique*. It falls, however, under the general definition of ideas, because the imagination of beautiful is so elusive that our understanding cannot fully reach and describe it (cf. *KU*, AA 05, pp. 313-317, 342-344; Kant, 2000, pp. 191-195, 217-219). Analogously, when Kant speaks of ideas of sciences in the chapter on the *architectonic of pure reason* in his first *Critique*, he differentiates between (A) a pure concept of a science and (B) a *schema*, which contains the outline and a subdivision of the elements of a science. Their interrelation, which can be also described in terms of a perfect archetype and a not-fully-appropriate image of the same thing (ectype) (cf. *KrV*, A 838 / B 866; Kant, 1998, p. 694), underlie all sciences of reason: “Nobody attempts to establish a science without grounding it on an idea. But in its elaboration the schema, indeed even the definition of the science which is given right at the outset, seldom corresponds to the idea; for this lies in reason like a seed, all of whose parts still lie very involuted and are hardly recognizable even under microscopic observation” (*KrV*, A 834 / B 862; Kant, 1998, p. 692). Hence, a pure concept of a science is (A) a vague and elusive idea, which can be given only partially *in concreto*, and it is (B) in a description and systematic schema of a science, which never completely matches the original representation or the archetype.

I suggest calling these scientific-praxis-related ideas — to clearly distinguish them from the transcendental, theoretical, practical, aesthetical, religious, political etc. principles of reason in the narrow sense — *architectonic* (cf. *Log*, AA 09, p. 93; Kant, 1992, p. 591; *KrV*, A 833 / B 861; Kant, 1998, p. 692), or *methodological ideas*. They are used to create systematic unities of knowledge, especially, as Kant states, in the sciences of reason (cf. *Log*, AA 09, p. 93; Kant, 1992, p. 591). The “Architecton-

подобные ей высказывания, посвященные «искусству построения систем», не только отвечают на вопрос о том, как метафизическая система может быть построена из материала, тщательно исследованного и выбранного философом школы трансцендентальной философии, но и, ко всему прочему, содержат аспекты общей философии рациональных наук Канта. Сама же процедура формирования (А) методологических (архитектонических) идей и (В) основных принципов характерна для трансцендентальной философии (то есть критической философии как элемента метафизики), метафизики, антропологии, этики, юриспруденции, естествознания и т.д. Все они являются (1) науками (в общем понимании Кантом термина «наука»⁵), которые (2) рациональны в том смысле, что представляют собой не простое (эмпирическое) накопление фактов, а составляют (3) систему, включающую в себя: (4) общие цели, основные задачи и принципы разума⁶, а также (5) соответствующие им методы. При этом пункты (3)–(5) имеют решающее значение для формирования характеристик достоверности и всеобщности научного знания. По мысли Канта, система научных знаний не должна быть сформирована на основе простой компиляции ее частей (первоначальный и общий смысл др.-греч. *σύνστημα* ‘целое, составленное из частей’ от др.-греч. *συνιστάναι* ‘соединить, объединить, собрать что-то вместе’). Выражаясь метафорически, недостаточно просто подбирать подходящие друг другу элементы головоломки и соединять их, даже используя при этом строгий, например математический, метод⁷. В противоположность этому ученый должен иметь идею разума как изначально представимое неясное изображение всей головоломки и определять его цель прежде, чем приступать к соединению и упорядочиванию составных элементов всей складываемой им научной картины в единое целое. Иллюстрацией к данной мысли является работа Канта «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784). В ней (А) он развивает концепцию исторической науки, основанной на идее о предопределенности человеческого разума, составляющего одну из наших естественных способностей, к тому, чтобы полностью реализовать свой потенциал в перспективе всей человеческой истории. Затем (В) Кант делает историко-фи-

ic” chapter of the first *Critique*, as well as the related passages on the “art of systems” do not only answer the question of how a metaphysical system can be built out of the material thoroughly examined and chosen by a transcendental philosopher, but also contain aspects of Kant’s general philosophy of rational sciences. The procedure of creating (A) methodological (architectonic) ideas and (B) basic outlines is common among transcendental philosophy (i.e. critique, as part of metaphysics), metaphysics, anthropology, ethics, jurisprudence, natural sciences etc. They all are (1) sciences (in Kant’s broad understanding of the term “science”),⁷ which are (2) rational in the sense that they are not a mere (empirical) accumulation of facts, but make up a (3) system under (4) the general purposes, essential ends and principles of reason,⁸ and (5) corresponding methods. The points (3)-(5) are crucial for certainty and universality of a science. In Kant’s peculiar and – against the backdrop of the previous history of philosophy – innovative view, a scientific system is not and should not be based on a mere compilation of parts (the original and general meaning of the Ancient Greek “σύνστημα” (a whole compounded of parts) is based on “συνιστάναι” (to combine, to unite, to set something together)). Metaphorically speaking, it is neither enough to collect similar puzzle pieces nor to unite them – even using a strict, e.g. mathematical, method.⁹ A scientist has and should have an idea of reason as a preliminary vague picture of the whole puzzle, and determine its purpose, before combining and ordering the pieces to a whole of a science. An example for this is Kant’s own *Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose* (1784). In this essay (A) he develops a concept of a historical science based on the idea that human reason – being one of our natural capacities – is predestined to reach its full potential throughout the course of history. And (B)

⁵ Подробный обзор концепции науки Канта см.: (Sturm, 2009, S. 128 – 182).

⁶ Связь между практическими целями разума и архитектурными единствами подробно рассматривается в работах (Gava, 2014; Sturm, 2020).

⁷ О критическом отношении Канта к математическому методу построения систем (на примере Вольфа и Мейера) см.: (Meer, 2019, S. 151 – 154).

⁷ For a detailed analysis of Kant’s concept of science see Sturm (2009, pp. 128-182).

⁸ The relationship between the practical ends of reason and architectonic unities is discussed in detail in Gava (2014) and Sturm (2020).

⁹ For Kant’s critical attitude towards the mathematical method of construction of systems (by example of Wolff and Meier) see Meer (2019, pp. 151-154).

лософские наброски, указывая при этом на несколько важных моментов, которые следует учитывать при реализации осуществляемого им проекта. Как мы видим, без элементов (А) и (В) история как наука была бы ничем иным, как простым набором знаний о существующих исторических фактах.

Из вышесказанного следует, что архитектурные (методологические) принципы являются непременным условием формирования и приобретения систематических знаний в области наук о разуме. Понимание их функций становится частью общей методологии построения системы научного знания. При этом, по Канту, метод в теоретической (архитектонической) перспективе состоит «в таком образе действий по принципам разума, благодаря которому единственно и может многообразное в познании стать системой» (АА 05, S. 151; Кант, 1997, с. 697). Это понятие не следует смешивать ни с методами в перспективе практического применения разума, ни с методами в эмпирических науках. Так, в конце «Критики практического разума» (1788) мы находим методологию, которая касается педагогических и дидактических вопросов «установления и культуры истинно морального образа мыслей» (АА 05, S. 153; Кант, 1997, с. 703). Правда, надо сказать, что теоретическая (архитектоническая) методология с точки зрения кантианства является частью логики, которая исследует способы оперирования систематическими научными знаниями. Ее главная цель — *логическое совершенствование познания*, которое «состоит в отчетливости, основательности и в систематическом упорядочении его в целое науки» (АА 09, S. 140; Кант, 1994б, с. 389). Это «систематическое упорядочение в целое науки», если оно должно быть чем-то большим, чем простым собиранием составных элементов, прежде всего должно быть основано на способности разума (в узком смысле) создавать и реализовывать архитектурные идеи.

II

Если все-таки Кант прав и описанный выше образ действий является общим для всех рациональных наук, то есть если мы принимаем его позицию не просто за некий факт в истории философии из разряда устаревших теорий, но как реальную исследовательскую программу и потенциально полезное предложение для понимания закономерностей научной деятельности, то нам понадобится более систематичное изложение методологии применения чистого разума. Основываясь на предварительных терминологических пояснениях, данных мной в первом разделе настоящей статьи, я хочу ответить

he sketches and points out several important moments that should be considered during the realisation of this project. Without (A) and (B), history as a science would be nothing more than knowledge of existing historical facts.

The architectonic or methodological principles are therefore inevitable conditions in the field of sciences of reason for the construction and acquisition of systematic knowledge. The understanding of their functions is a part of the general methodology of scientific systems. A method, in theoretical (architectonic) perspective, is for Kant “a procedure according to principles of reason, through which alone the manifold of a cognition can become a system” (*KpV*, AA 05, p. 151; Kant, 2002, p. 189). This is neither to be confounded with methods in practical perspective nor with methods in empirical sciences. At the end of *Critique of Practical Reason* we find a methodology which deals with the pedagogical and didactical issues of “founding and cultivating genuine moral attitudes” (*KpV*, AA 05, p. 153; Kant, 2002, p. 191). The theoretical (architectonic) methodology is, however, in the Kantian view a part of logic, which examines ways to operate with systematic scientific knowledge. Its main goal is the *logical perfection of cognition*, which “consists in its distinctness, thoroughness, and systematic ordering into the whole of a science” (*Log*, AA 09, p. 140; Kant, 1992, p. 630). This “systematic ordering into the whole of a science” — if it should be more than a mere accumulation of parts — is, above all, based upon the capacity of reason in the narrow sense to create and implement architectonic ideas.

II

If Kant is right, and this procedure is common to all rational sciences, and if we take his position as not a mere fact in the history of philosophy and an outdated theory, but as a research programme and a potentially helpful suggestion to understand the logic of scientific practice, we need a more systematic account of the methodological use of pure reason. Based on the preliminary terminological clarifications in Part (I), I want to answer the question whether there are different “planes” or “levels” in the use of methodological ideas. Are, e.g., the

на вопрос о том, существуют ли различные «плоскости» или «уровни» в использовании методологических идей. Например, включены ли идеи всей юриспруденции или всеобщей истории с всемирно-гражданской целью в некую общую структуру науки? Подобны ли они некоей образной «матрешке», составленной из больших элементов, заключающих в себе меньшие детали, или же они предстают перед нами в виде рабочих эскизов, набросков на чистом листе бумаги? Отвечая, я собираюсь добраться до сути целостного изложения науки, как ее понимает Кант, включая связь методологических принципов с другими типами представлений о разуме и возможностью определять степень прироста знаний под руководством методологической идеи.

Не может быть никаких сомнений в том, что исследование Канта, посвященное пониманию природы науки, обусловлено его интересом к возможностям метафизики в ее связи с эмпирическими и историческими науками. Однако было бы ошибкой предполагать, что его систематология основана на уравнивании «науки» с «метафизикой» в том смысле, что последняя, если можно так выразиться, будет выступать (как в образе Декартова дерева) корнем всех других наук.

Образ науки, который дает нам Кант, скорее тот, что представлен нам в его докритической работе «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755). В ней перед нами предстает вселенная, содержащая в себе малые системы небесных объектов внутри более крупных⁸. Наука, исходя из этого образа, — это «система систем», (A) общая идея всего научного знания человека вместе с (B) определенной схемой или предварительным пониманием соотношения ее составных элементов, то есть отраслей научного знания⁹.

⁸ В докритической работе «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755) Кант оперировал таким понятием, как «системное устройство мироздания» (AA 01, S. 246; Кант, 1994а, с. 138) — результат работы Бога, представляющего перед нами в качестве «великого зодчего» (AA 01, S. 256; Кант, 1994а, с. 148). Для объяснения устройства вселенной Кант прибегал к помощи аналогий (AA 01, S. 253–258; Кант, 1994а, с. 142–149). Подобно тому как планеты в Солнечной системе вращаются вокруг Солнца, все звезды в Млечном Пути, в свою очередь, должны вращаться вокруг общего центра притяжения. То же самое относится и к галактикам, «млечным путям» самим по себе. Таким образом, по аналогии, архитектурные идеи — это такие гравитационные центры, вокруг которых вращаются систематические знания. В то время как я предлагаю провести различие между четырьмя уровнями в предполагаемом образе вселенной науки (созданной человеческим разумом и, следовательно, понятной ему), Кант в своей работе говорит о бесчисленном множестве миров и систем (созданных Богом).

⁹ Интересные замечания по поводу мысли Канта обо всей науке как о «распльвчатой идее» см. также в работе: (McRae, 1957). К сожалению, Мак-Рэе не исследовал в достаточной мере суть данного вопроса.

ideas of the whole of jurisprudence or of the universal history with a cosmopolitan purpose embedded into some general structure of science with principles above and below them? Are they boxes inside a bigger box and contain smaller boxes inside them, or are they just sketches on a blank paper? In answering this question, I will think through Kant's holistic account of science, the relation of methodological principles to other kinds of ideas of reason and the possibility of differentiating between grades of growth of knowledge under the guidance of a methodological idea.

There can be no doubt that Kant's inquiry into the nature of science is led by his interest in the possibility of metaphysics and its relation to empirical and historical sciences. It would, however, be a mistake to assume that his systematology is based upon an equation of "science" with "metaphysics" in the sense that the latter (if possible) would be — like in the Cartesian tree metaphor — the roots of all other sciences. Kant's image is rather — as presented in his pre-critical work on the *Universal Natural History and Theory of the Heavens* — the one of the universe containing smaller systems of celestial objects within bigger ones.¹⁰ Science is a "system of systems", (A) a general idea of the whole of human scientific knowledge with (B) a certain sketch or preunderstanding of the relation of its parts, i.e. of sciences.¹¹ Philosophy, metaphysics (as part of philosophy), *Universal History with a Cosmopolitan Purpose*, jurisprudence etc.

¹⁰ In his pre-critical work *Universal Natural History and Theory of the Heavens* (1755) Kant was concerned with what he called the "systematic constitution of the universe" (*NTH*, AA 01, p. 246; Kant, 2015, p. 214) as a work of God, "a great architect" (cf. *NTH*, AA 01, p. 256; Kant, 2015, p. 222). To understand the structure of the universe, Kant was thinking in analogies (cf. *NTH*, AA 01, pp. 253-258; Kant, 2015, pp. 220-223). Just as planets in the Solar System orbit around the Sun, all stars in the Milky Way must in their turn move around their common gravitational centre — and the same applies to the galaxies, the "Milky Ways", themselves. The architectonic ideas are such gravitational centres with systematic knowledge circling around them. While I suggest differentiating between four planes in the suggested metaphor of the universe of science (created, and therefore comprehensible by human reason), Kant, in this text, was however thinking of an overwhelming unimaginable infinite progression of analogically constructed unities (created by God).

¹¹ For interesting remarks on Kant's idea of the whole of the science as a "vague idea" see also McRae (1957). Unfortunately, McRae did not inquire into its concrete structure.

При этом Кант, говоря о таких разделах знания, как философия, метафизика (как часть философии), *идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане*, юриспруденция и т.д., утверждает, что

не только каждая из них сама по себе расчленена соответственно идее, но и все они целесообразно объединены в системе человеческого знания как части единого целого и допускают архитектонику всего человеческого знания, которую не только возможно, но даже и нетрудно создать в наше время, когда собрано или может быть взято из развалин старых зданий так много материала (A 835 / B 863; Кант, 2006а, с. 1047).

Таким образом, способность давать принципы в ее методологическом или архитектурном применении связана с наиболее общим, систематическим и полным отображением научных знаний. Это наивысшая и самая сложная задача, которая стоит перед разумом. Далее, (1) если наука представляет собой систему систем, а (2) система, в свою очередь, представляет собой целое, составленное из совокупности знаний, полученных на основе архитектурного принципа, и (3) если высшим и полным понятием является идея целого, образованного из всего множества возможных человеческих знаний, то тогда должно быть систематическое деление этого целого в соответствии с идеями разума на меньшие составляющие его системы. Я предлагаю провести различие между четырьмя уровнями методологических принципов («идеи в идее», которые содержатся в «системе систем») для того, чтобы получить представление о функциональности разума (в узком смысле) в его архитектурном применении. *Первый* и наиболее высокий уровень представления научной систематичности с вышеописанным отношением «образец / копия» или «идея / эскиз» — это *идея науки как таковой*. Концепции наук, таких как философия или юриспруденция, — это просто идеи систем среди других систем или «галактик» во вселенной науки, и, следовательно, они находятся на *втором* уровне применения методологического чистого разума. В понимании Канта философия (как и юриспруденция, о которой говорилось выше) есть «идея возможной науки, которая нигде не дана *in concreto*, но к которой мы пытаемся приблизиться различными путями, пока не будет открыта единственная, сильно заросшая чувственностью тропинка и пока человеку не удастся, насколько это дозволено ему, сделать до сих пор не удававшуюся копию равной образцу» (A 838 / B 866; Кант, 2006а, с. 1049).

are not merely each articulated for themselves in accordance with an idea but are rather all in turn purposively united with each other as members of a whole in a system of human cognition, and allow an architectonic to all human knowledge, which at the present time, since so much material has already been collected or can be taken from the ruins of collapsed older edifices, would not merely be possible but would not even be very difficult (*KrV*, A 835 / B 863; Kant, 1998, pp. 692-693).

The faculty of principles in its methodological or architectonic use is therefore concerned with the most general, systematic and complete image of scientific knowledge. This is reason's highest and most demanding task in this field. Subsequently, (1) if science is a system of systems, and (2) if a system is a whole of cognitions based on an architectonic principle, and (3) if the highest and complete notion were the idea of the whole of all possible human knowledge, there must be a systematic subdivision of it into smaller systems under ideas of reason. I suggest differentiating between four levels of methodological principles ("ideas within idea" in "system of systems") to get an overview of the functionality of reason in the narrow sense in its architectonic use. The *first* and highest level of representation of scientific systematicity with the above-described relation of archetype / ectype or idea / sketch is *the idea of science as such*. Concepts of sciences like philosophy or jurisprudence are just ideas of systems among other systems or "galaxies" in the universe of science, and are, therefore, on the *second* level of the use of methodological pure reason. In Kant's understanding, philosophy (just as jurisprudence, as cited above) "is a mere idea of a possible science, which is nowhere given *in concreto*, but which one seeks to approach in various ways until the only footpath, much overgrown by sensibility, is discovered, and the hitherto unsuccessful ectype, so far as it has been granted to humans, is made equal to the archetype" (*KrV*, A 838 / B 866; Kant, 1998, p. 694).

Kant's own "sketch" of the idea of philosophy is based on a distinction between pure (cognition from pure reason) and empirical (rational cognition from empirical concepts) philosophy. The former is subdivided into propaedeutic (critical or transcendental philosophy, which is also metaphysics in a wider sense) and metaphysics (*cf. KrV*, A 841 / B 869; Kant, 1998, p. 696). The idea

Кантовский «эскиз» идеи философии основан на разнице, существующей между чистой (знание, основанное на чистом разуме) и эмпирической (знание разума, основанное на эмпирических принципах) философией. При этом первая из них, в свою очередь, делится на пропедевтику (критику или трансцендентальную философию, то есть метафизику в более широком смысле) и саму метафизику (см.: А 841 / В 869; Кант, 2006а, с. 1053). Следовательно, идея метафизику не должна смешиваться с общей идеей философии. Я предлагаю (для лучшего прояснения этой мысли) перевести все методологические идеи отраслей научного знания (включая и составные элементы их самих), то есть «созвездий» в «галактиках», на *третий* уровень систематичности. На этом уровне мы встречаем такие образцы / копии, как (1) «идея метафизику» (А 849 / В 877; Кант, 2006а, с. 1063), также именуемая «идеей философии чистого разума» (А 847 / В 874; Кант, 2006а, с. 1061), или идея науки, которая «столь же стара, как и спекулятивный человеческий разум» (А 842 / В 870; Кант, 2006а, с. 1055); (2) «идея трансцендентальной философии» (А 01; Кант, 2006б, с. 83), которая начиная с «Критики чистого разума» получает развитие во всех произведениях Канта¹⁰; (3) «идея и необходимость метафизику нравов» (АА 06, S. 214; Кант, 1994г, с. 235); (4) вышеупомянутая «идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»; (5) идеи «права государства народов (*ius gentium*)», «права гражданина мира (*ius cosmopoliticum*)», публичного права и т.д. (АА 06, S. 311; Кант, 1994г, с. 343).

Эти «созвездия» внутри «галактик» «наук разума» можно, в свою очередь, подразделить на еще более мелкие объединения (чтобы остаться в рамках взятого мною образа вселенной науки, применим термин «планетарные системы»). Все это можно рассматривать как основание для архитектурного применения чистого разума. При этом система знаний есть система познавательных способностей, подчиненных методологическому принципу разума ((А) образец и (В) схема). Мы достигаем *четвертого* и последнего уровня в том случае, если идеи, которые составляют отрасль научного знания, уже невозможно разделить на более мелкие составные элементы и их можно объединить только во взаимосвязанные цепочки. Такой пример представляет собой идея чистого мышления. При этом Кант ясно дает понять, что идея трансцендентальной логики как части трансцендентальной философии основана именно на этой концепции:

¹⁰ Краткий обзор развития концепции трансцендентальной философии Канта представлен в работе (Förster, 2015).

of metaphysics is, therefore, not to be confounded with the general idea of philosophy. I suggest – to make it clear – allocating all methodological ideas of the parts of sciences (including the parts inside the parts of sciences), i.e. of “stellar groupings” within “galaxies”, to the *third* level. On this level we find such archetypes/ectypes as (1) “idea of metaphysics” (*KrV*, A 849 / B 877; Kant, 1998, p. 700), alternatively called “idea of a philosophy of pure reason” (*KrV*, A 847 / B 874; Kant, 1998, p. 699) or idea of a science which is “as old as speculative human reason” (*KrV*, A 842 / B 870; Kant, 1998, p. 696); (2) “idea of transcendental philosophy” (*KrV*, A 01; Kant, 1998, p. 127) behind the *Critique of Pure Reason* which evolves throughout Kant’s works;¹² (3) “idea and necessity of a metaphysics of morals” (*MS*, AA 06, p. 214; Kant, 1991, p. 43); (4) the above-mentioned “idea of universal history with a cosmopolitan purpose”; (5) ideas “of a *Right for all nations (ius gentium)*”, of “*cosmopolitan Right (ius cosmopoliticum)*”, of public law etc. (*MS*, AA 06, p. 311; Kant, 1991, p. 123).

These “stellar groupings” within the “galaxies” of “sciences of reason” can be subdivided into smaller unities (to stay with the metaphor of the universe of science: “planetary systems”). This may be considered as the ground-level of the architectonic use of pure reason. How far does it reach? A system of knowledge is a system of cognitions under a methodological principle of reason ((A) archetype and (B) outline). The *fourth* and final level is reached if ideas which construct a part of a science cannot be subdivided into smaller ones and can be only interconnected in a network. An example for this is the idea of pure thinking. Kant states clearly that the idea of transcendental logic as a part of transcendental philosophy is based upon this concept:

In the expectation, therefore, that there can perhaps be concepts that may be related to objects a priori, not as pure or sensible intuitions but rather merely as acts of pure thinking, that are thus concepts but of neither empirical nor aesthetic origin, we provisionally formulate the idea of a science of pure

¹² For a concise overview of the development of Kant’s concept of transcendental philosophy see Förster (2015, pp. 2319-2325).

Итак, в ожидании того, что возможны понятия, а priori относящиеся к предметам не как чистые или чувственные созерцания, а только как действия чистого мышления, стало быть, понятия, но не эмпирического и не чувственного происхождения, мы уже заранее устанавливаем идею науки о чистом рассудке и основанных на разуме знаниях, благодаря которым мы мыслим предметы совершенно *a priori*. Такая наука, определяющая происхождение, объем и объективную значимость подобных знаний, должна называться трансцендентальной логикой... (A 57 / B 81; Кант, 2006а, с. 145).

Чистое мышление как идея непосредственного формирования концепций и принципов, полученных благодаря априорным способностям рассудка и разума, является методологической концепцией четвертого уровня. При этом трансцендентальная логика — это единство познавательных способностей, устанавливающих единство функциональности чистого мышления, например порядка и количества умозаключений чистого разума в «Трансцендентальной диалектике». Соответственно, идея чистой воли (практической свободы, чистого практического разума), ключевое эвристическое понятие, лежащее в основании «Критики практического разума» и «Метафизики нравственности», становится центром притяжения соответствующих знаний.

Следуя этим мыслям немного дальше, я бы сказал, что все чистые понятия разума, с которыми мы сталкиваемся внутри и вне кантовских работ, могут дополнительно рассматриваться как методологические (архитектонические) принципы при условии, что они явно воспринимаются как объекты исследования (предположим, философа). Я попытаюсь объяснить это на примере. Трансцендентальный идеал (Бог в чисто теоретической перспективе) в «Критике чистого разума» представляет собой либо догматическое трансцендентное понятие (если способность суждения обманута), либо регулятивный принцип. В последнем случае естествоиспытатель может систематически анализировать природу, следуя эвристической идее о целесообразности вселенной, как если бы она была создана благодаря некоей высшей причине. С методологической точки зрения, например Канта как философа, «Идеал чистого разума» является главой в «Трансцендентальной диалектике» и — как чистое понятие — объектом изучения. В этом ракурсе он выражает систематическое единство познаний относительно выводов и категорий, используемых для осмысления этого понятия, ошибок способности суждения, регулятивной функциональности и т.д. Соответственно, идея прекрасного используется художником напрямую, а не так, как,

understanding and of the pure cognition of reason, by means of which we think objects completely a priori. Such a science, which would determine the origin, the domain, and the objective validity of such cognitions, would have to be called transcendental logic [...] (*KrV*, A 57 / B 81; Kant, 1998, p. 196).

The pure thinking as an idea of spontaneous creation of concepts and principles a priori by the faculties of understanding and reason is a fourth-level methodological concept. The transcendental logic is a unity of cognitions related to the functionality of pure thinking — e.g. the procedure and number of inferences of pure reason in the “Transcendental Dialectic”. Accordingly, the idea of pure will (of practical freedom, of pure practical reason) is a heuristic key concept behind the *Critique of Practical Reason* and *Metaphysics of Morals*, and is a gravitational centre of corresponding cognitions.

Following these thoughts a little further, I would go so far as to say that all pure concepts of reason we encounter inside and outside Kantian works may be additionally considered as methodological (architectonic) principles under the condition that they are explicitly conceived of as objects of a study (e.g. of a philosopher). I will try to explain this by an example. The transcendental ideal (God, in a merely theoretical perspective) in the *Critique of Pure Reason* is either a dogmatic transcendent concept (if the power of judgement is deluded) or a regulative principle. In the latter case a natural scientist may systematically analyse nature by following the heuristic idea of the purposiveness of everything — as if it were created by a higher reason. From a mere methodological point of view, e.g. of Kant as a philosopher, the “Ideal of Pure Reason” is a chapter within the “Transcendental Dialectic” and — as a pure concept — an object of study. In this perspective, it expresses a systematic unity of cognitions regarding the inferences and the categories used to think this concept, the mistakes of the power of judgement, the regulative functionality etc. Correspondingly, the idea of beautiful is used by an artist directly and not — e.g. by a philosopher who works in aesthetics to understand this concept — as an object of studies. In the same way, the invisible church is an example for religious concepts of reason, but from the perspective of Kant as a scholar this idea is necessary to analyse

например, у философа, который работает с эстетической проблематикой, чтобы понять эту концепцию, — то есть как объект исследования. Точно так же невидимая церковь представляет собой пример в контексте религиозных концепций разума, но, с точки зрения Канта как ученого, эта идея необходима для анализа возможности «Религии в пределах только разума». Так же и идеи государства, государственной конституции и общественного договора (часто формулируемые у Канта как «идея первоначального договора») могут принадлежать судебной или политической практике, но для ученого-правоведа или философа-правоведа это образцы единства знаний, вступающие в противоречие с их воплощениями в реальности (копиями).

Согласно моему предложению упорядочить кантовское учение об архитектурном использовании чистого разума путем установок границ между четырьмя уровнями методологических принципов, следующие примеры могут стать возможными иллюстрациями цепочек «идей в идее» и соответствующих «систем в системе» во вселенной науки:

(I) идея науки — (II) идея философии — (III) идея чистой философии, идея метафизики, идея трансцендентальной философии, идея трансцендентальной логики — (IV) идея чистого мышления;

(I) идея науки — (II) идея права — (III) идея публичного права — (IV) идея общественного договора.

Вселенная науки растет и расширяется, если развитие отмечается на всех этих четырех уровнях методологических принципов. В связи с этим Кант говорит о «развертывающемся разуме» (A 835 / B 863; Кант, 2006, с. 1047) — термин, который будет позднее использован Гегелем в ином смысле¹¹. Таким образом, разум (в узком смысле) совершает некий прыжок вперед и формирует смутные эвристические концепции, которые определяют волю и мышление ученого (независимо от того, является ли он исследователем, преподавателем или студентом). С одной стороны, рост знаний в рациональных на-

¹¹ А. Нуццо совершенно справедливо указывает на то, что гегелевская концепция (самораскрывающейся) идеи (также обозначаемой такими понятиями, как абсолютная идея, разум, разумность, субъект-объект и т.д.) имеет скорее методологическое значение идеала философской системы (Nuzzo, 1995). Однако не следует путать это понятие с трансцендентным идеалом (представлением Бога). Насколько я могу об этом судить, Нуццо не говорит об архитектурных (методологических) идеях, выделяя (как это делает большинство исследователей Канта) только три типа идей в философии Канта: трансцендентальные, моральные и эстетические (см.: Ibid., S. 97) — и тем самым оставляя без внимания эту значимую часть текста в самом конце «Критики чистого разума».

possibility of *Religion within the Bounds of Bare Reason*. The ideas of state, state constitution and social contract (often formulated as “idea of the original contract” in Kant) may belong to judicial or political practice, but for a legal scholar or a legal philosopher they are archetypes of unities of knowledge (with competing ectypes).

Following my suggestion to bring order into the Kantian account of architectonic use of pure reason by differentiating between four levels of methodological principles, these could be possible examples of sets of “ideas within idea” and corresponding “systems within system” in the universe of science:

(I) idea of science — (II) idea of philosophy — (III) idea of pure philosophy, idea of metaphysics, idea of transcendental philosophy, idea of transcendental logic — (IV) — idea of pure thinking

(I) idea of science — (II) idea of jurisprudence — (III) idea of public law — (IV) idea of social contract

The universe of science is growing and expanding if progress is made on these four levels. Kant speaks in this regard of a “self-unfolding of reason” (my translation for: “*sich bloß auswickelnden Vernunft*” — *KrV*, A 835 / B 863; cf. Kant, 1998, p. 692) (a term that will be later prominently used by Hegel in a different way),¹³ Reason in the narrow sense leaps ahead and creates vague heuristic concepts that guide the will and the understanding of a scholar (regardless of whether she is a researcher, lecturer or student). On the one hand, the growth of knowledge in rational sciences is dependent on this function. On the other, there are the successful and unsuccessful attempts to define these concepts and to develop fitting systems of cognition (ectypes) which lead to a clearer conceivability of architectonic ideas. The progress in rational sciences is therefore based on this interplay of archetypes

¹³ Nuzzo (1995) points out quite rightly that Hegel’s concept of the (self-unfolding) idea (also called: absolute idea, reason, reasonability, subject-object etc.) rather has the methodological sense of an ideal of a philosophical system. It is not to be confounded with the transcendental ideal (representation of God). As far as I can see, by differentiating — as the majority of Kant scholars usually do — between only three types of ideas in Kant (transcendental, moral and aesthetic, cf. Nuzzo, 1995, p. 97), she does not thematise the architectonic (methodological) ideas and misses this interesting passage at the end of the *Critique of Pure Reason*.

уках зависит от этой функции. С другой же — есть успешные и неудачные попытки определить эти концепции и разработать подходящие системы познания (копии), которые приводят к более ясному осмыслению архитектурных идей. Таким образом, прогресс в рациональных науках основан на этом взаимодействии образцов и копий, а история науки, как показывает Кант на примере метафизики в последней главе первой «Критики», представляет собой историю старых зданий, которой способствовало общее понимание и развитие идеи. Следовательно, можно проводить различие между оценками в росте знаний по отношению к самой идее, а также между степенями ясности в идеях на всех этих четырех уровнях. Философия, например, является идеальной концепцией того, что еще предстоит открыть, а идеи и системы третьего и четвертого уровней все еще могут внести изменения в эту концепцию. Это и есть та динамичная целостная картина научной практики, которую Кант дает нам в своих размышлениях о логике научного исследования (в своей архитектурной методологии).

III

Если же мы все-таки хотим быть чем-то большим, чем просто «гипсовым слепком» (A 836 / B 864; Кант, 2006а, с. 1047) с сознания Канта, то мы должны проверить, обладает ли теория архитектурных идей все тем же надежным, полезным и обоснованным статусом, как и прежде. Дело в том, что по иронии судьбы многие постидеалистические философы XIX—XX вв., прямо заявлявшие, что они «преодолели» кантовскую («субъективную», «устаревшую» и т.д.) точку зрения, молчаливо используют свой разум (в узком смысле) для работы над своими философскими проектами. Я покажу это на примере *трансцендентального прагматизма* Карла-Отто Апеля. Здесь надо сказать, что Апель и Хабермас пытаются найти способ использовать то, что Кант называет «идеями разума», в контекстах современности, встраивая их в структуры коммуникативной рациональности и практики повседневной жизни и интерпретируя как «детрансцендентализированные» идеализирующие предпосылки (Habermas, 2003, p. 83–130)¹². Все это (как и любой другой философский проект) *само по себе* является вполне законной и самостоятельной исследовательской программой. Но более пристальный взгляд на соответствующие

¹² Апель предпочел бы говорить о *трансформации* трансцендентальной философии в этом контексте. См.: (Apel, 1994a, p. 235–237).

and ectypes, and the history of a science — as Kant shows by the example of metaphysics in the last chapter of his first *Critique* — is a history of fallen edifices which contributed to a general understanding and evolution of an idea. Hence, it is possible to differentiate between grades in the growth of knowledge in relation to an idea as well as between grades of clarity in the ideas on all four levels. Philosophy, e.g., is an ideal concept of what is yet to be discovered, and third- and fourth-level ideas and systems can still bring a change into this concept. This is the dynamic holistic picture of scientific practice that Kant gives us with his thoughts on the logic of scientific research (in his architectonic methodology).

III

If we want to be something more than a “plaster cast” (*KrV*, A 836 / B 864; Kant, 1998, p. 893) of Kant’s mind, we should examine whether the theory of architectonic ideas is still a reliable, helpful and well-grounded position. Ironically, many post-idealistic authors in philosophy in the nineteenth and twentieth centuries, who explicitly claim to have “overcome” the Kantian (“subjective”, “outdated” etc.) standpoint, tacitly use their reason in the narrow sense to create their philosophical projects. I will show this using the example of Karl-Otto Apel’s *transcendental pragmatism*. Apel and Habermas try to find a way to make use of what Kant calls the “ideas of reason” in contemporary contexts by embedding them into the structures of communicative rationality and everyday life practice and understanding them as “detranscendentalised” idealising presuppositions (see Habermas, 2003, pp. 83-130).¹⁴ This is — just as any philosophical project — *per se* a legitimate and autonomous research programme. But a deeper look at the corresponding texts and passages reveals that (1) both communicative rationalists are aware of only a very limited number of kinds of ideas (see, e.g., the list in Habermas, 2003, p. 87), (2) which may be partially the reason for the poor articulation of their actual functionality (see the point (a) below) as well as (3) for the unnecessary polemics against

¹⁴ Apel would prefer to speak of a *transformation* of transcendental philosophy in this context (cf. Apel, 1994a, pp. 235-237).

тексты и отрывки показывает, что (1) оба коммуникативных рационалиста обладают весьма ограниченным представлением о числе разновидностей идей (см., например, список в: Habermas, 2003, p. 87), что (2) отчасти может быть причиной плохой артикуляции их (идей) фактической функциональности (см. пункт (а) ниже), (3) а отчасти — излишней полемичности, направленной против Канта (см. сноску 13 ниже). Здесь и далее я не буду касаться углубленного анализа и обсуждения изложения идей Апеля или его философской позиции в целом. Моя цель состоит в том, чтобы просто указать на некоторые из навешиваемых им ярлыков, которые подрывают действительную силу и важность кантовских теорий идей разума. Кто-то, конечно, попытается «детрансцендентировать» архитектурные идеи и встроить их в поле коммуникативного акта и рациональности. При этом ему, правда, придется следовать весьма сомнительному тезису о том, что трансцендентальность исключает коммуникативные акты. Но сначала ему все-таки нужно будет уяснить для себя, что архитектурные идеи существуют на самом деле, успешно при этом работают и применяются, и понять их конкретные функции.

Для Апеля говорить о способностях (силах) рассудка и разума совершенно излишне, так как это просто не соответствует в его понимании современной логике науки. Старые теоретические модели разума должны быть заменены общей концепцией рациональности (и здесь он следует, как и Хабермас, прагматической традиции Вебера, Витгенштейна и Поппера), и прежде всего коммуникативной рациональностью. В данном контексте концепция трансцендентальности приобретает «обновленное» значение. «Условия возможного опыта» следует искать не в субъекте и его уме, а в актах общения как правилах и предпосылках, которые воображает и предвидит каждый участник дискурса. Поскольку никто не может никоим образом избежать или серьезно абстрагироваться от этих правил и предпосылок, независимо от того, находится ли он в поли-, диа- или монологе, Апель приходит к выводу, что окончательное обоснование рациональности, этики и философии как таковых вполне возможно. Однако, по его мнению, авторы, работающие в рамках парадигмы субъективной философии разума и эпистемологии, склонны (как и ее родоначальник Декарт) к «абстрактным заблуждениям»: они говорят о «трансцендентальной апперцепции» (Кант) или о «самоположении Я» (Фихте), игнорируя процессы и правила коммуникативного действия.

Я хочу показать, что, отказавшись от «старой трансцендентальной философии сознания» (Apel,

Kant and ad hoc modifications (see the footnote 17). In what follows, I will not be concerned with an in-depth analysis and discussion of Apel's account of ideas or his position in general. My goal is simply to point out some of his shortcuts that undermine the actual power and importance of Kant's set of theories regarding the ideas of reason. One can, of course, try to "detranscendentalise" the architectonic ideas and embed them into the communicative acting and rationality (if one follows the highly problematic thesis that transcendentalism excludes communicative acting and if one does not recognise that for Kant scientific practice (e.g. the work on the idea of metaphysics) is a collective enterprise of the community of former, contemporary and future scholars), but one has first to know that there are architectonic ideas, that they are actually used, and understand their concrete functions.

For Apel, to speak of faculties (powers) of understanding and reason is completely redundant and it simply does not fit the contemporary logic of science. The older theoretical models of reason must be replaced — and herein he follows, like Habermas, the pragmatist tradition, Weber, Wittgenstein and Popper — by a general concept of rationality, and primarily: communicative rationality. The concept of transcendentalism receives a new, "updated" meaning in this context. The "conditions of a possible experience" are not to be found in the subject and its mind, but in the acts of communication, as rules and presuppositions, imagined and anticipated by every participant in a discourse. Since nobody can in any way avoid or seriously abstract from these rules and presuppositions, regardless of whether she is in a poly-, dia- or monologue, Apel concludes that an ultimate grounding of rationality, ethics and philosophy as such is possible. The authors, however, who work within the paradigm of subjective philosophy of mind and epistemology are — like its initiator Descartes — prone to "abstractive fallacies": they speak of a "transcendental apperception" (Kant) or of a "self-positing of the I" (Fichte) disregarding the processes and rules of communicative acting.

I want to argue that by abandoning and transforming the "older transcendental philosophy of mind"¹⁵ (Apel, 1988, p. 112, transl. M.L.), espe-

¹⁵ "[...] älteren Transzendentalphilosophie des Bewusstseins."

1988, p. 112) — и прежде всего речь здесь идет о кантовской теории разума, — а затем трансформировав ее, Апел, в свою очередь, сам утрачивает философский аппарат понимания и истолкования своих собственных действий как философ, то есть теряет возможность быть более осознанным в них. При этом сам он применяет без должного тому обоснования архитектурные идеи (а) четвертого и (б) третьего порядка, а также процедуру, которая не вполне объяснима с точки зрения трансцендентального прагматизма и по-прежнему требует для себя теоретической основы кантовской трансцендентальной философии сознания.

(а) Прежде всего рассмотрим концепцию идеального коммуникативного сообщества — одно из наиболее важных понятий в философском проекте Апеля. По его словам, *идеальное коммуникативное сообщество* — тот образец, который всегда представляет себе и которого ожидает каждый участник беседы. Это эталонное дополнение к реальному коммуникативному сообществу. Во всех наших актах аргументации и коммуникации, даже в монологе, мы должны брать на себя роль *ответственных и равноправных* партнеров, которые принципиально способны достигнуть консенсуса (Apel, 1996, p. 47–51, 235–236). Окончательное обоснование рациональности, этики и философии становится возможным благодаря непреодолимому характеру условий коммуникации, которые включают в себя ожидание идеального коммуникативного сообщества. Интересно, что эта концепция, как понимает ее Апел, имеет статус, аналогичный «регулятивной идее» «Критики чистого разума» Канта. Например, сам Апел утверждает, что понятие идеального коммуникативного сообщества носит «характер некой “регулятивной идеи”», которой, как говорит Кант, «не может быть дан в чувствах никакой адекватный предмет» (Apel, 1988, S. 101; см. также: Apel, 1996, S. 236–237). Апел, однако, не погружается в эту тему настолько глубоко, как этого хотели бы от него исследователи Канта, и его недостаточный анализ данной проблемы подводит по крайней мере к двум кратким путям решения. Во-первых, Апел не проводит различия между практическими и трансцендентальными идеями и соответствующими функциями чистого разума. Истолкование идей, на которые он ссылается, как упоминалось выше, ограничено теоретической философией. Но, как указывает на это Кант в самом начале трансцендентальной диалектики, существует разница между (1) тем, что я могу сказать «это *только* идея» (A 328 / B 384; Кант, 2006а, с. 495), и (2) идеей как обязательным условием для практического применения разума. Трансцендентальные концепции разума действительно являются *только*

сpecially Kant's theory of reason, Apel, in turn, loses possibilities and an apparatus to understand and explain — i.e. to become more conscious of — his own actions as a philosopher. Apel uses, without giving a proper account of it, (a) fourth- and (b) third-level architectonic ideas, a procedure that is not fully explicable by the transcendental pragmatism and that still requires the theoretical framework of the Kantian transcendental philosophy of mind to be understood.

(a) First, consider the concept of an *ideal communication community*, which is one of the most central terms in Apel's philosophical project. According to Apel, the *ideal communication community* is something that is always imagined and anticipated by every discourse participant. It is an ideal add-on to the real communication community. In all our argumentative communicative acts, even in a monologue, we must assume *responsible* and *equal* discourse partners who are principally *able to reach consensus* (cf. Apel, 1996, pp. 47-51, 235-236). The ultimate grounding of rationality, ethics and philosophy is possible because of the uncircumventability of the conditions of communication, and this includes the anticipation of an ideal communication community. Interestingly, this concept has, as Apel understands his own position, a status similar to the “regulative idea” in the *Critique of Pure Reason*. He states, the notion of ideal communication community has “the character of a ‘regulative idea’, — to which, as Kant says, — ‘nothing congruent can be given in the senses’”¹⁶ (Apel, 1988, p. 101, transl. M.L., cf. Apel, 1996, pp. 236-237). Apel does not, however, go as deeply into this topic as Kant scholars would wish him to do, and his insufficient analysis leads to at least two shortcuts: *Firstly*, Apel does not distinguish between practical and transcendental ideas and the corresponding functions of pure reason. The definition of ideas to which he refers is, as mentioned above, restricted to theoretical philosophy. But as Kant already puts it at the beginning of the transcendental dialectic: there is a difference between (1) something of which I can say “it is *only* an idea” (*KrV*, A 328 / B 384; Kant, 1998, p. 402) and (2) an idea as an indispensable condition for practical use of reason. Transcendental concepts of reason are indeed *only ideas*, insofar as we can, e.g., *think* of an infinite universe, but

¹⁶ “[...] den Charakter einer ‘regulativen Idee’, der — nach Kant — ‘nichts Empirisches völlig korrespondieren kann’.”

идеями, поскольку мы можем, например, *мыслить* о бесконечной вселенной, но неспособны *представить* абсолютное целое всех явлений во всех его деталях. Все это отличается от простых практических идей. Чтобы действовать мудро, мы должны создать концепцию мудрости. А по Канту, мудрое решение — это решение, принятое в соответствии с идеей мудрости (см.: A 569 / B 597; Кант, 2006а, с. 538). В случае практического применения нашего разума мы можем частично продемонстрировать реальность идеи в наших императивах и реальных действиях. Таким образом, идеальное коммуникативное сообщество — это не просто идея, а то, что может быть в определенной степени дано *in concreto*, а именно в реальном коммуникативном сообществе. Каждый участник дискуссии должен предполагать и предвидеть в других равных и разумных партнеров по диалогу, и реальные философские или политические дебаты показывают, что это не просто идея. Таким образом, не проводя различия между существующими типами идей, Апел упускает возможность признать реальный потенциал кантовской теории разума (в узком смысле) и получить расширенное понимание логики и положения практически необходимых идеальных предпосылок¹³.

Во-вторых, он не задумывается о методологической функции концепции идеального коммуникативного сообщества. А это, в свою очередь, включает в себя ответ на вопрос, который можно считать метафилософским или метатеоретическим: что я делаю, когда представляю, объясняю и выдвигаю концепцию разума? Перед нами неизбежно встают две перспективы: рационального агента, который основывает свои императивы и действия на идее идеального коммуникативного сообщества и им является, например сам Апел, общающийся со своими настоящими и будущими читателями в своих работах; или автора (философа), который создает и описывает эту идею в терминах своего исследования. В первом случае можно говорить о практическом применении чистого разума, во втором — о сугубо методологическом его использовании. Основная цель последнего состоит не в том, чтобы действовать практически в соответствии с какой-либо идеей, а в том, чтобы создавать научные знания в отношении или в результате ее, то есть объединять познания и аргументы в систему в рамках одного или нескольких (взаимосвязанных) центральных чистых понятий.

¹³ Вместо этого Апел ищет способ объединить кантовскую концепцию идей (которые, по его мнению, *все* являются регулятивными и не даны *in concreto*) с гегелевским понятием разума, данным в действительности (Apel, 1988, S. 69–102).

are incapable of *imagining* the absolute whole of all appearances in all its details. This is different from simple practical ideas. To act wisely, we must create a concept of wisdom. A wise decision is a decision made in accord with the idea of wisdom (see *KrV*, A 569 / B 597; Kant, 1998, p. 552). In the case of the practical use of our reason we can partially demonstrate the reality of a concept in our imperatives and real actions. The ideal communication community is therefore not a mere idea, but something which can be to some extent given *in concreto*, namely in the real communication community. Every participant in an argumentative discourse must presuppose and anticipate equal and reasonable conversation partners, and functioning philosophical or political debates demonstrate that this is not a mere idea. Thus, by not distinguishing different types of ideas, Apel misses the chance to recognise the actual potential of the Kantian theory of reason in the narrow sense and to get a broader understanding of the logic and the status of practically indispensable ideal presuppositions.¹⁷ *Secondly*, he does not reflect on the methodological function of the concept of the ideal communication community. This involves answering the question, which can be considered to be of a metaphilosophical or metatheoretical nature: What am I doing when I am introducing, explaining and putting forward a concept of reason? Two perspectives must be distinguished, the one of a rational agent, who bases his imperatives and actions on the idea of the ideal communication community, and this is also Apel himself communicating with his present and future readers in his works, and the one of an author (philosopher) who is creating and describing this idea in terms of his research. In the first case one can speak of a practical use of pure reason, in the second of a methodological use. The main purpose of the latter is not to act practically in accordance with an idea, but to produce scientific knowledge in relation to or resulting from it, i.e. to combine cognitions and arguments into a system under one or more (correlated) central pure concepts.

(b) Hence, Apel is using (without realising it) his practical and methodological functions of pure reason within his project on the fourth level which are described in detail in the “older transcen-

¹⁷ Apel (1988, pp. 69–102) does instead seek for a way to combine the Kantian concept of the ideas (which are in his view *all* regulative and not given *in concreto*) with the Hegelian notion of reason given in the actuality.

(б) Следовательно, Апель в рамках своего философского проекта неосознанно применяет практические и методологические функции чистого разума четвертого архитектурного порядка, которые подробно описаны в «старой трансцендентальной философии сознания» (Apel, 1988, S. 112). Более того, идеи трансцендентального прагматизма и дискурсивной этики как части философского знания представляют собой архитектурные принципы третьего порядка. Оба этих понятия являются архетипами систем знаний, описанных их автором в самом начале. Каждая из этих идей, как говорит Кант, «заложена в разуме подобно зародышу, все части которого еще не развиты и едва ли доступны даже микроскопическому наблюдению» (A 834 / B 862; Кант, 2006а, с. 1045). Основные работы Апеля и его опубликованные лекции — это репродукции, попытки поделиться своими открытиями и познаниями, основанными на фундаментальных идеях исследовательских проектов и позиций (которые еще не даны или только частично даны в опыте).

Заклучение

Архитектоническая методология — важнейшая теория, не только относящаяся к Канту как исторической личности, но и представляющая самостоятельный интерес. Она предоставляет нам аппарат для понимания логики научной практики в рациональных науках, которая может получить дальнейшее развитие в современных условиях. Как было показано в первом разделе данной статьи, изложение Кантом архитектурных идей является частью его общего исследования природы чистого разума, который, будучи умственной способностью, отвечает за чистые представления. Они служат предпосылками, которые совершают прыжок, ставят задачи для наших воли и рассудка. Их подлинная методологическая функция, описываемая Кантом в терминах отношения «копия / образец», — это конструктивная концептуализация науки как таковой, рациональных наук, их частей и определенных базовых идей с целью планирования, развития, приобретения и обобщения систематических знаний. Дальнейший анализ во втором разделе показал, что можно выделить четыре уровня непрерывно растущей и расширяющейся «вселенной науки», представленной архитектурными идеями Канта: (I) наука как таковая, как систематическое единство всего человеческого знания; (II) конкретные рациональные науки, такие как философия или юриспруденция; (III) разделы и направления в этих науках, такие как этика, мета-

дентал philosophy of mind” (Apel, 1988, p. 112). Moreover, the *ideas of transcendental pragmatism and discourse ethics* as parts of philosophy represent third-level architectonic principles. They both are archetypes of systems of knowledge pictured by their author at the outset. Each of these ideas, as Kant puts it, “lies in reason like a seed, all of whose parts still lie very involuted and are hardly recognizable even under microscopic observation” (KrV, A 834 / B 862; Kant, 1998, p. 692). Apel’s major works and published lectures are ectypes — efforts to impart his discoveries and cognitions based on fundamental ideas of research projects and positions (which are not yet, or only partially, given in experience).

Conclusion

The architectonic methodology is an important theory, not only regarding Kant as a historical person, but also in its own right, concerning its purposive content. It provides us with an apparatus to understand the logic of scientific practice in rational sciences, which can be developed further in contemporary contexts. As shown in the first section of this paper, Kant’s account of architectonic ideas is a part of his general inquiry into the nature of pure reason, which, being a mental faculty, is responsible for pure representations that serve as presuppositions, leaps ahead, demanding tasks for our will and our understanding. Their genuine methodological function that he describes in terms of an archetype-ectype-relation is the constructive conceptualisation of science as such, of rational sciences, their parts and certain basic ideas for the sake of planning, developing, acquiring and ordering of systematic knowledge. The further analysis in the second section has shown that it is possible to distinguish four planes of the continuously growing and expanding “universe of science” represented by architectonic ideas in Kant: (I) science as such as a systematic unity of all human knowledge; (II) the specific rational sciences, such as philosophy or jurisprudence; (III) the parts and directions within these sciences, such as ethics, metaphysics, transcendental philosophy, public law; (IV) all the different “ground-level” ideas like the invisible church, pure thinking or the social contract when they are explicitly considered as objects of studies.

физика, трансцендентальная философия, публичное право; (IV) все многообразие различных идей, таких как *невидимая церковь*, *чистое мышление* или *общественный договор*, когда они рассматриваются в качестве объектов исследования. Наконец, как это также указывалось, постмодернистская критика или трансформация концепции разума Канта, а также настойчивость, проявляемая в отношении отказа от более старых эпистемологических исследовательских программ, могут привести к потере важных знаний¹⁴. Деятельность Карла-Отто Апеля как философа была бы невозможна без методологического измерения применения чистого разума, то есть без идей дискурсивной этики, трансцендентальной прагматики и идеального коммуникативного сообщества, которые представляют архитектурно-идеи третьего и четвертого порядка.

Благодарности. Эта статья основана на тексте моего выступления в рамках Третьей международной летней школы по изучению наследия Иммануила Канта, проведенной Академией Кантианой в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград, Россия). Я хочу поблагодарить всех, кто прокомментировал и обсудил со мной материалы статьи, включая анонимного рецензента, за полезные замечания, а также Аарона Хиггинс-Брэка, который помог отредактировать ее английский текст.

Список литературы

- Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 1. С. 113–260.
- Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 8. С. 266–398.
- Кант И. О педагогике // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 8. С. 399–460.
- Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1 // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 6. С. 223–540.
- Кант И. Критика практического разума // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 277–733.
- Кант И. Критика способности суждения // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 69–833.
- Кант И. Критика чистого разума (В) // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006а. Т. 2, ч. 1.

¹⁴ В другой работе (Apel, 1994б) Апель скорее настаивает на необходимости изменения парадигмы (в понимании Куна, но применительно к философии) вместо того, чтобы (и я лично предпочел бы эту позицию) позволить различным исследовательским программам одновременно сосуществовать и дополнять друг друга (или конкурировать). Его критика должна рассматриваться в свете этой общей метафилософской предпосылки.

Finally, as pointed out, the postmodern critique or transformation of Kant's concept of reason and the insistence on the necessity of abandoning the older epistemological research programmes may lead to a loss of important knowledge.¹⁸ Karl-Otto Apel's action as a philosophical author would not be possible without the methodological dimension of use of pure reason; it is without the ideas of discourse ethics, transcendental pragmatics and ideal communication community that represent third- and fourth-level architectonic ideas.

Acknowledgments. *This paper is based on my talk at the Third Immanuel Kant International Summer School of the Academia Kantiana at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU) in Kaliningrad, Russia. I want to thank everyone who commented on it and discussed it with me, including the anonymous peer reviewer for her/his helpful remarks and Aaron Higgins-Brake, who additionally checked it for the linguistic correctness.*

References

- Apel, K.-O., 1988. *Diskurs und Verantwortung. Das Problem des Übergangs zur postkonventionellen Moral*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Apel, K.-O., 1994a. *Selected Essays, Volume 1: Towards a Transcendental Semiotics*. Edited by E. Mendieta. New Jersey: Humanities Press.
- Apel, K.-O., 1994b. *From a Transcendental-Semiotic Point of View*. Edited by M. Papastephanou. Manchester & New York: Manchester University Press.
- Apel, K.-O., 1996. *Selected Essays, Volume 2: Ethics and the Theory of Rationality*. Edited by E. Mendieta. New Jersey: Humanities Press.
- Bunte, M., 2016. *Erkenntnis und Funktion. Zur Vollständigkeit der Urteilstafel und Einheit des kantischen Systems*. Berlin & Boston: de Gruyter.
- Förster, E., 2015. *Transzendentalphilosophie*. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr and S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon*. Berlin & Boston: de Gruyter, pp. 2319–2325.
- Friedman, M., 1992. *Kant and the Exact Sciences*. Cambridge: Harvard University Press.
- Gava, G., 2014. *Kant's Definition of Science in the Architectonic of Pure Reason and the Essential Ends of Reason*. In: *Kant-Studien*, 105(3), pp. 372–393.

¹⁸ Apel (1994b) rather insists on the necessity of a paradigmatic change (in Kuhn's sense, but applied to philosophy) instead of (and I personally would prefer this position) letting different research programmes co-exist and complement (or compete with) one another at the same time. His critique must be seen in the light of this general metaphilosophical presupposition.

Kant I. Критика чистого разума (А) // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006б. Т. 2, ч. 2.

Kant and the Sciences / ed. by E. Watkins. N. Y. : Oxford University Press, 2001.

Левин М. Разум, идеи и их функции в классической немецкой философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 1. С. 4–23.

Apel K.-O. Diskurs und Verantwortung. Das Problem des Übergangs zur postkonventionellen Moral. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1988.

Apel K.-O. Selected Essays. Vol. 1 : Towards a Transcendental Semiotics / ed. by E. Mendieta. New Jersey : Humanities Press, 1994a.

Apel K.-O. From a Transcendental-Semiotic Point of View / ed. by M. Papastephanou. Manchester ; N. Y. : Manchester University Press, 1994b. P. 43–63.

Apel K.-O. The A Priori of the Communication Community and the Foundation of Ethics: The Problem of a Rational Foundation of Ethics in the Scientific Age // Apel K.-O. Selected Essays. Vol. 2 : Ethics and the Theory of Rationality / ed. by E. Mendieta. New Jersey : Humanities Press, 1996. P. 1–67.

Bunte M. Erkenntnis und Funktion. Zur Vollständigkeit der Urteilstafel und Einheit des kantischen Systems. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2016.

Förster E. Transzendentalphilosophie // Kant-Lexikon / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr and S. Bacin. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2015. S. 2319–2325.

Friedman M. Kant and the Exact Sciences. Cambridge : Harvard University Press, 1992.

Gava G. Kant's Definition of Science in the Architectonic of Pure Reason and the Essential Ends of Reason // Kant-Studien. 2014. Vol. 105, № 3. P. 372–393.

Habermas J. Truth and Justification / transl. by B. Fultner. Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 2003.

Kitcher P. Kant's Philosophy of Science // Midwest Studies in Philosophy. Vol. VIII : Contemporary Perspectives on the History of Philosophy / ed. by P. French, T. Uehling, H. Wettstein. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1983. P. 387–408.

Klimmek N.F. Kants System der transzendentalen Ideen. Berlin ; N.Y. : de Gruyter, 2005.

Lewin M. Ist die theoretische Vernunft selbst eine Idee? Fichtes Umgang mit Kantischen Ideen um 1810 // Fichte-Studien. 2018. Bd. 46. S. 288–307.

Lewin M. Das System der Ideen. Die Begründung der Vernunft und das Problem der unterschiedlichen Ansprüche. Freiburg ; München : Alber, 2021 (в печати).

Manchester P. Kant's Conception of Architectonic in its Philosophical Context // Kant-Studien. 2008. Vol. 99, № 2. P. 187–207.

McRae R. Kant's Conception of the Unity of the Sciences // Philosophy and Phenomenological Research. 1957. Vol. 18, № 1. P. 1–17.

Meer R. Der transzendente Grundsatz der Vernunft. Funktion und Struktur des Anhangs zur transzendentalen Dialektik der Kritik der reinen Vernunft. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2019.

Habermas, J., 2003. *Truth and Justification*. Translated by B. Fultner. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.

Kant, I., 1991. *The Metaphysics of Morals*. Translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1992. *The Jäsche Logic*, in: *Lectures on logic*. Translated by J.M. Young. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 521-640.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated by P. Guyer and A.W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgement*. Translated by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2002. *Critique of Practical Reason*. Translated by W.S. Pluhar. Introduction by S. Engstrom. Indianapolis & Cambridge: Hackett.

Kant, I., 2015. *Universal Natural History and Theory of the Heavens or Essay on the Constitution and the Mechanical Origin of the Whole Universe According to Newtonian Principles*. Translated by O. Reinhardt. In: E. Watkins, ed. 2015. *Kant: Natural Science*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 182-308.

Kitcher, P., 1983. Kant's Philosophy of Science. In: P. French, T. Uehling and H. Wettstein, eds. 1983. *Midwest Studies in Philosophy VIII: Contemporary Perspectives on the History of Philosophy*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 387-408.

Klimmek, N.F., 2005. *Kants System der transzendentalen Ideen*. Berlin & New York: de Gruyter.

Lewin, M., 2018. Ist die theoretische Vernunft selbst eine Idee? Fichtes Umgang mit Kantischen Ideen um 1810. In: *Fichte-Studien*, 46, pp. 288-307.

Lewin, M., 2020. Reason, Ideas and Their Functions in Classical German Philosophy. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 36(1), pp. 4-23. (In Rus.)

Lewin, M., (in press) *Das System der Ideen. Die Begründung der Vernunft und das Problem der unterschiedlichen Ansprüche*. Freiburg & München: Alber.

Manchester, P., 2008. Kant's Conception of Architectonic in its Philosophical Context. In: *Kant-Studien*, 99(2), pp. 187-207.

McRae, R., 1957. Kant's Conception of the Unity of the Sciences. *Philosophy and Phenomenological Research*, 18, pp. 1-17.

Meer, R., 2019. *Der transzendente Grundsatz der Vernunft. Funktion und Struktur des Anhangs zur transzendentalen Dialektik der Kritik der reinen Vernunft*. Berlin & Boston: de Gruyter.

Nuzzo, A., 1995. ‚Idee‘ bei Kant und Hegel. In: C. Fricke, P. König and T. Petersen, eds. 1995. *Das Recht der Vernunft. Kant und Hegel über Denken, Erkennen und Handeln*. Stuttgart: frommann-holzboog, pp. 81-120.

Pissis, J., 2012. *Kants transzendente Dialektik. Zu ihrer systematischen Bedeutung*. Berlin & Boston: de Gruyter.

Nuzzo A. ‚Idee‘ bei Kant und Hegel // Das Recht der Vernunft. Kant und Hegel über Denken, Erkennen und Handeln / hrsg. von C. Fricke, P. König and T. Petersen. Stuttgart : frommann-holzboog, 1995. S. 81–120.

Pissis J. Kants transzendente Dialektik. Zu ihrer systematischen Bedeutung. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2012.

Sturm T. Kant und die Wissenschaften vom Menschen. Paderborn : mentis, 2009.

Sturm T. Kant on the Ends of the Sciences // Kant-Studien. 2020. Vol. 111, № 1. P. 1–28.

Switzer A. The Traditional Form of a Complete Science: Baumgarten’s Metaphysica in Kant’s “Architectonic of Pure Reason” // *Philosophica*. 2014. № 44. P. 149–166.

Willaschek M. Kant on the Sources of Metaphysics. The Dialectic of Pure Reason. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.

Об авторе

Михаил Романович Левин, доктор философии, Университет Вупперталя, Вупперталь, Германия.

E-mail: michael.lewin.di@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5097-5725>

О переводчике

Денис Владимирович Михалёв, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: DMikhalev1@kantiana.ru

Для цитирования:

Левин М.Р. Универсум науки. Архитектонические идеи науки, отраслей и частей научного знания в философии Канта // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 2. С. 26–45. doi: 10.5922/0207-6918-2020-2-2

Sturm, T., 2009. *Kant und die Wissenschaften vom Menschen*. Paderborn: mentis.

Sturm, T., 2020. Kant on the Ends of the Sciences. *Kant-Studien*, 111(1), pp. 1-28.

Switzer, A., 2014. The Traditional Form of a Complete Science: Baumgarten’s Metaphysica in Kant’s Architectonic of Pure Reason. In: *Philosophica*, 44, pp. 149-164.

Watkins, E., ed. 2001. *Kant and the Sciences*. New York: Oxford University Press.

Willaschek, M., 2018. *Kant on the Sources of Metaphysics. The Dialectic of Pure Reason*. Cambridge: Cambridge University Press.

The author

Dr Michael Lewin, University of Wuppertal, Wuppertal, Germany.

E-mail: michael.lewin.di@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5097-5725>

To cite this article:

Lewin, M., 2020. The Universe of Science. The Architectonic Ideas of Science, Sciences and their Parts in Kant. *Kantian Journal*, 39(2), pp. 26-45. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2020-2-2>.